

западногерманского историка — Ю. Хасхагена; в своем обобщающем историко-социологическом труде «Европа в средние века» (1951) Хасхаген приписывает крестовым походам всемирно-историческую роль на том основании, что они явились началом экспансии европейских народов на Восток, «санкционированной христианской идеей». По мнению Вентцлава, только «под таким широким углом зрения и можно оценить объем и степень воздействия идеи крестового похода»<sup>92</sup>. Вентцлав искажает таким образом действительную сущность крестовых походов: ведь они являлись прежде всего захватническими войнами феодалов и к тому же не имели в истории того значения, которое здесь за ними признается. Вентцлав, далее, углубляется в историю формирования идеи крестового похода. Подобно Руссу и Ваасу, Вентцлав трактует крестовые походы в идеалистическом духе. Так, он считает, что участие масс в Первом крестовом походе следует целиком объяснить тем, что к концу XI в. сформировалась идея крестового похода<sup>93</sup>. Политические факторы (например, положение дел на Востоке) лишь благоприятствовали началу похода 1096 г., «но не это вело к добровольному, проникнутому фанатическим духом самопожертвования принятию креста массой мирян, образовавших войско вооруженных паломников»<sup>94</sup>: главным было то, что созрела идея священной войны. Явно преувеличивая роль религиозного фактора, Вентцлав пытается затем показать, как было дано юридическое обоснование этой идеи (в «De vita christiana» Бонизо Сутрийского)<sup>95</sup>, каким образом она была приведена в соответствие с положениями религиозной догматики и т. д. Правда, в его работе мы обнаруживаем также раздел «Социологические и сословные предпосылки священной войны»<sup>96</sup>, однако заглавие это не должно вводить в заблуждение: автор вовсе не старается установить социальные основы крестоносного движения; подобно Ваасу, он лишь перечисляет некоторые особенности воззрений крестоносцев, связанные с характерными чертами феодальной идеологии вообще. Перед Вентцлавом даже не возникает вопрос о несходстве реальных мотивов участия в походе представителей различных общественных групп: символ креста, пишет он, объединил все сословия. Для всех этот символ означал не только напоминание о мученической смерти Иисуса, но и возможность искупления грехов и избавления от ада<sup>97</sup>.

Разумеется, для исследователя воззрений крестоносцев важно проникнуть и в самый образ их мышления, т. е. уяснить, как истинные, земные цели крестового похода преломлялись в разгоряченном религиозной экзальтацией мозгу «воинов христовых». В этом отношении работа Вентцлава содержит ряд тонких конкретных наблюдений. Вентцлав, в частности, убедительно выясняет реальное значение понятия «святая земля» в глазах европейцев в XI в.<sup>98</sup> В его работе имеется небезынересный материал, касающийся процесса становления крестоносной идеологии, того, как

<sup>92</sup> Wentzlaff-Eggebert. Op. cit., S. 71.

<sup>93</sup> Ibid., S. 72—73.

<sup>94</sup> Ibid., S. 72.

<sup>95</sup> Ibid., S. 74.

<sup>96</sup> Ibid., S. 76—78.

<sup>97</sup> Ibid., S. 74.

<sup>98</sup> Тезис о защите «святой земли» фигурирует во всех проповедях крестовых походов. Это понятие, указывает Вентцлав, трактовалось церковью как «христианское наследство», т. е. место, освященное жизнью и страданиями Христа. Поэтому мысль о необходимости добиться освобождения «святой земли» получила широкое распространение среди рыцарей: ведь притязания рыцарей на земли Востока оправдывались наследственным правом, и тезис церкви — нужно защитить наследство Христа от «неверных» — в этих условиях казался вполне правомерным (Wentzlaff-Eggebert. Op. cit., S. 75).